ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ,

по Первому Департаменту,

Сенатора, ревизующаго по Высочайшему повелѣнію Московскія правительственныя установленія,

Доношеніе.

Сенаторской ревизіей Московскаго Градоначальства обнаруженъ рядъ неправильныхъ по службѣ дѣйствій бывшаго Помощника Московскаго Градоначальника, нынѣ отставного Гвардіи Полковника, Владиміра Аполлоновича Короткаго, побуждающихъ меня войти въ Правительствующій Сенатъ съ настоящимъ доношеніемъ о названномъ должностномъ лицѣ.

Объ общемъ характерѣ служебной и общественной дѣятельности Полковника Короткаго, по должности Помощника Московскаго Градоначальника, свидѣтельствуютъ слѣдующія показанія нѣкоторыхъ ближайшихъ его сослуживцевъ по Градоначальству:

Состоящій понынѣ во второй должности Помощника Московскаго Градоначальника Д. С. С. Петровъ показалъ: «Одновременно со мной вступилъ въ должность новый Помощникъ Градоначальника по наружной части Полковникъ Короткій..... Не смотря на мои совѣты, какъ приступить къ планомѣрной и полезной работѣ (самое главное—установленіе числа наружныхъ постовъ, провѣрка ихъ, выясненіе соотвѣтствія числа людей (городовыхъ) наличнаго списочному, вопросы обученія, обмундированія и квартирнаго довольствія городовыхъ), Полковникъ Короткій все свое вниманіе устремилъ на объѣзды трактирныхъ заведеній, клубовъ, кинематографовъ и т. п. учрежденій, щедрою рукою раздавая направо и налѣво разрѣшенія на всякаго рода увеселенія въ ресторанахъ, трактирахъ, пивныхъ, безъ милосердія ломая всякую мою только что вводимую въ этомъ отношеніи систему..... Дѣлопроизводитель Хозяйственнаго Отдѣленія Кандауровъ, весьма корректный и добросовѣстный, положительно

со слезами на глазахъ приходилъ ко мнѣ ежедневно жаловаться, что дѣлается что-то невозможное. Я рѣшился переговорить по этому поводу съ Полковникомъ Короткимъ и получилъ отвѣтъ: «Я только еще немного займусь этимъ дѣломъ, а потомъ оставлю».

Имѣвшій случай ближе другихъ Приставовъ ознакомиться съ пріемами дѣятельности Полковника Короткаго, Приставъ Эрнъ показываетъ: «Вскорѣ послѣ перевода Короткаго въ Москву, ясно опредѣлилась одна черта его характера: это—желаніе использовать свое положеніе для улучшенія своего матеріальнаго благосостоянія . . . . . Полковникъ Короткій не разбирался въ случаяхъ, способствовавшихъ ему улучшить свой бытъ, и, наряду съ крупными суммами, не гнушался и 25-ю руб. благодарности..... Присущая ему робость не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что тамъ, гдѣ дѣло было серьезнѣе, онъ дѣйствовалъ, имѣя подъ собою почву и, если не одобреніе, то во всякомъ случаѣ попустительство со стороны Генерала Рейнбота».

Наконецъ, самъ бывшій Градоначальникъ, Генералъ-Маіоръ Рейнботъ, заявилъ мнѣ, что Полковникъ Короткій за взятки давалъ рестораторамъ разрѣшенія на хоры, бралъ съ клубовъ, бань и проч., причемъ . . . . не гнушался, «когда находилъ мало, вымогать и намеками» на него, Генерала Рейнбота, говоря: «а попу, попу что жъ?».

Московскіе дѣльцы и обыватели, напр., Пом. Прис. Пов. Тарбѣевъ, Стволовъ, Сторкъ и др., отзываются о Короткомъ, какъ о должностномъ лицѣ, возведшемъ взятку въ систему.

Полковникъ Короткій фактически пробылъ въ должности Помощника Градоначальника всего 5 мѣсяцевъ и 26 дней.

Сенаторской ревизіей выяснено, что за это время дѣятельность бывшаго Помощника Градональника сводилась: 1) къ увеличенію средствъ Благотворительнаго Общества путемъ взысканія принудительныхъ взносовъ съ разныхъ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ Градоначальствомъ; 2) къ производству общихъ оффиціальныхъ пріемовъ просителей, за Градоначальника, съ выдачею благотворительныхъ пособій; 3) къ наблюденію за дѣятельностью клубовъ и 4) къ инспекторскимъ объѣздамъ промышленныхъ заведеній.

Въ доношеніи моемъ о неправильныхъ по службѣ дѣйствіяхъ бывшаго Московскаго Градоначальника, нынѣ Генералъ-Маіора въ отставкѣ, Рейнбота, я докладывалъ уже Правительствующему Сенату, что, намѣтивъ главныя группы жертвователей и установивъ методы воздѣйствія на нихъ, онъ, Генералъ Рейнботъ, передалъ дальнѣйшія заботы о матеріальныхъ средствахъ Благотворительнаго Общества своему Помощнику, Гвардіи Полковнику Короткому, сказавъ: «Это его конекъ».

Большинство «жертвователей», привлекавшихся Полковникомъ Короткимъ въ полицейское Благотворительное Общество, могутъ быть сведены къ 4-мъ главнымъ группамъ: это, во 1-хъ, содержатели и содержательницы домовъ разврата; во 2-хъ, владѣльцы трактирныхъ заведеній, допускавшіе безпорядки въ своихъ заведеніяхъ; въ 3-хъ, отходники, или ассенизаторы, и, въ 4-хъ, клубы, имѣвшіе характеръ игорныхъ притоновъ.

Способъ воздѣйствія на всѣ категоріи лицъ и учрежденій у Полковника Короткаго былъ тотъ же, что и у Генерала Рейнбота: средствомъ выманить пожертвованіе являлось принужденіе.

Въ Москвѣ существуетъ фешіонебельный домъ разврата—гостинница, подъ названіемъ «Эрмитажъ-Оливье».

Изъ показаній предсѣдателя правленія Товарищества, содержащаго эту гостинницу, инженера Поликарпова, а также изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ запискѣ Пристава Эрна, видно, что въ названной гостинницѣ составленъ былъ полиціею протоколъ, не имѣвшій другой цѣли, кромѣ той, чтобы побудить администрацію гостинницы слѣдовать примѣру другихъ содержателей домовъ свиданій—Барашкова, Егорова, Никитина и сдѣлать взносъ на благотворительность.

Какъ свидѣтельствуетъ Поликарповъ, доходъ Товарищества «Оливье» въ общемъ весьма незначителенъ (въ 1904—1905 г. г. не было никакого дивиденда, въ 1905—1906 г.г. тоже, а въ 1906—1907 г.г. выдано съ натяжкой 3%), и поэтому Правленіе очень стѣснялось, внося свою принудительную лепту на нужды полицейскаго Благотворительнаго Общества.

Первоначальное, въ 3000 руб., пожертвованіе Товарищества въ благотворительный фондъ Градоначальства не удовлетворило, по объясненію Пристава Эрна, Полковника Короткаго, и «онъ отозвался о директорахъ этого Товарищества далеко не въ лестныхъ выраженіяхъ; послѣ визита директоровъ къ Генералу Рейнботу—сумма взноса была увеличена до 5000 р.».

Изложенное въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о степени «добровольности» взноса, сдѣланнаго Товариществомъ гостинницы «Эрмитажъ-Оливье».

Изъ показаній содержательницъ домовъ свиданій и терпимости Смирновой, Гундоровой, Микулевичъ и др. Правительствующій Сенатъ усмотритъ, что не болѣе добровольными являлись и ихъ «пожертвованія» на нужды градоначальственной благотворительности.

«Среди насъ, говоритъ одна изъ содержательницъ дома терпимости Ксенія Смирнова, распространился слухъ о томъ, что, въ случаѣ желанія продолжать существованіе домовъ свиданій, нужно обратиться съ ходатайствомъ къ Полковнику Короткому, внести ему извѣстную сумму денегъ на дѣла благотворительности, и тогда разрѣшеніе на содержаніе дома свиданій будетъ продолжено. Въ виду вышеозначеннаго слуха, я, взявъ съ собою двѣсти рублей, поѣхала въ Январѣ 1907 года къ Полковнику Короткому на квартиру и просила его дать мнѣ разрѣшеніе на незакрытіе моего дома свиданій, причемъ тутъ же вручила ему двѣсти рублей, прося его принять таковые на дѣла благотворительности. Полковникъ Короткій, принявъ отъ меня означенную сумму денегъ, изъявилъ свое согласіе на продленіе срока, назначеннаго для закрытія моего дома, до 1 Мая 1907 года. Куда были внесены переданныя мною Полковнику Короткому деньги и были ли онѣ вообще употреблены на дѣла благотворительности,—я не знаю, такъ какъ никакихъ росписокъ не получала, да и вопросъ этотъ меня совсѣмъ не интересовалъ, такъ какъ, внося деньги Полковнику Короткому, я желала лишь получить удовлетвореніе въ моемъ ходатайствѣ».

То же приблизительно повторяютъ свидѣтельницы Гундорова, Микулевичъ и Штейнмецъ *), а содержательница дома свиданій Ковальская показываетъ: «Когда я вошла къ нему въ кабинетъ, то тотчасъ же спросила его, для чего онъ меня вызвалъ, на что Полковникъ Короткій отвѣтилъ, что онъ желалъ поговорить со мною относительно разрѣшенія мнѣ вновь открыть домъ свиданій, причемъ намекнулъ, что за такое разрѣшеніе я должна заплатить ему; я спросила, сколько, но суммы онъ мнѣ не указалъ; тогда я предложила сто рублей, но онъ сказалъ, что сумма въ сто рублей слишкомъ незначительна, и, когда я, сказавъ, что у меня нѣтъ средствъ, чтобы платить слишкомъ много, предложила двѣсти рублей, то Полковникъ Короткій согласился принять означенную сумму денегъ

---

*) Изъ нихъ первая внесла Короткому 200 р., вторая—200 и третья—300 рублей.

и предложилъ мнѣ привести указанную сумму ему черезъ два часа. Я тотчасъ же поѣхала домой, захватила съ собою двѣсти рублей, пріѣхала вновь въ Градоначальство и отдала лично деньги Полковнику Короткому, который вскорѣ далъ знать по телефону въ участокъ о данномъ мнѣ разрѣшеніи держать домъ свиданій до 1 Января 1907 года. Когда срокъ даннаго мнѣ разрѣшенія приближался къ концу, то я вновь поѣхала къ Полковнику Короткому въ Градоначальство, просила продлить мнѣ срокъ даннаго мнѣ разрѣшенія на содержаніе дома свиданій, за что заплатила Полковнику Короткому 100 рублей, и онъ мнѣ разрѣшилъ держать домъ до 1 Мая».

Помощникъ Градоначальника, Д. С. С. Петровъ указываетъ случай, когда въ кабинетѣ Короткаго Начальникъ Сыскной Полиціи Моисеенко, по порученію хозяина кабинета, велъ перговоры и кричалъ на двухъ провинившихся въ чемъ то содержательницъ домовъ свиданій. Самъ Моисеенко разсказываетъ о двухъ сводняхъ, которыхъ онъ направилъ къ Полковнику Короткому, причемъ припоминаетъ, что послѣдній говорилъ: «слѣдовало бы взять съ нихъ въ пользу богоугодныхъ заведеній», а затѣмъ передавалъ ему, что сводня Кубиліусъ внесла ему, Короткому, деньги.

Изъ вышеизложеннаго съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что всѣ «пожертвованія», вносившіяся Полковнику Короткому содержателями и содержательницами домовъ разврата на нужды полицейскаго Благотворительнаго Общества, были не чѣмъ инымъ, какъ особаго рода платой за право промысла развратомъ, которую Полковникъ Короткій, пользуясь властью Помощника Градоначальника, принудительно, подъ опасеніемъ воспрепятствовать отправленію означеннаго промысла, взыскивалъ съ хозяевъ названныхъ учрежденій.

Аналогичный пріемъ принужденія бывшій Помощникъ Градоначальника примѣнялъ, вербуя въ число жертвователей и владѣльцевъ трактирныхъ заведеній. Образцомъ сего можетъ служить случай съ трактирщикомъ Ивановымъ, который слѣдующимъ образомъ повѣствуетъ о томъ, при какихъ условіяхъ онъ внесъ свое «пожертвованіе». «Началось все съ того времени, какъ мнѣ, въ числѣ многихъ другихъ рестораторовъ, разрѣшили имѣть въ ресторанѣ биксъ. Разрѣшили мнѣ его, кажется, осенью 1906 г. Въ первый разъ вызвалъ меня черезъ участокъ къ себѣ Короткій. Я явился въ Градоначальство, въ кабинетъ къ Короткому. Онъ принялъ меня очень сурово и сказалъ: «чиновники были у васъ въ ресторанѣ и видѣли у васъ игру въ биксъ на деньги». На это я ему возра-

жаю: «мнѣ никогда ни одинъ посѣтитель никакой жалобы на проигрышъ или вообще по поводу денежной игры не заявлялъ; мошенника на мѣстѣ бьютъ; если вапи чиновники что замѣтили, слѣдовало бы мнѣ тутъ же указать, составивъ протоколъ». Никакого протокола и допрежъ не было, да и теперь составлено не было, а я торгую хозяиномъ 22 года. Ежели какой безпорядокъ—мнѣ нужно было бы объявить и дать бумагу, Потолковали, потолковали, грозилъ Короткій часы сократить. Кончилось тѣмъ, что Короткій предложилъ мнѣ пожертвовать на пріютъ сто рублей. Въ силу необходимости я далъ. Прошло недѣли двѣ, три. Вдругъ приходитъ телеграмма изъ Сыскной. Вѣкъ свой никогда по такимъ дѣламъ въ участкѣ не бывалъ и Мирового не видалъ. Дѣлать нечего, ѣду, ослушаться невозможно, Пріѣзжаемъ мы въ Сыскную съ сыномъ. Подождали съ часъ. Наконецъ, приходитъ Моисеенко; взялъ отъ меня телеграмму и говоритъ: «пойдемъ». Идемъ черезъ дворъ, а онъ идетъ и кричитъ: «что у васъ тамъ опять за безпорядки. Вы всѣ ресторанщики—мошенники». Пришли на подъѣздъ. Поднялись въ пріемную. Моисеенко пошелъ въ кабинетъ къ Короткому. Пробылъ онъ тамъ минутъ пять, вышелъ и объявилъ: «Вамъ торговля до 10 часовъ». Вышло это не въ примѣръ прочимъ, такъ какъ другимъ сокращаютъ только до 11-ти. Я опечалился, но рѣшилъ терпѣть и говорю: «не убьете совсѣмъ, можетъ быть, живы останемся». Мы разошлись, а передъ тѣмъ Моисеенко велѣлъ придти во вторникъ. Въ понедѣльникъ я съ этого удару заболѣлъ. Во вторникъ—прямо на подъѣздъ, а оттуда къ Короткому въ кабинетъ. Опять тѣ же рѣчи: «Хотите двѣсти рублей штрафу?» Опять согласился, но только рѣшился отдѣлаться отъ бикса. Черезъ день принесъ Короткому двѣсти рублей и разрѣшеніе на биксъ обратно».

Содержатель загороднаго ресторана «Эльдорадо» Скалкинъ показалъ, что, желая получить право торговли до 6 утра, обратился съ соотвѣтственнымъ прошеніемъ къ Градоначальнику, а тотъ направилъ его къ Помощнику своему Короткому. По совѣту Стволова, Скалкинъ захватилъ съ собою денегъ, съ которыми и направился на квартиру къ Короткому. «Оставшись засимъ наединѣ съ Короткимъ, показываетъ Скалкинъ, я предложилъ ему 1.000 рублей на дѣла благотворительности. Короткій денегъ этихъ не взялъ и разрѣшенія на позднюю торговлю мнѣ не далъ. Когда я вышелъ изъ кабинета Короткаго и разсказалъ о случившемся ожидавшему меня въ пріемной Стволову, то сей послѣдній сказалъ мнѣ, что я предложилъ слишкомъ маленькую сумму, такъ какъ Благотворительное Общество слишкомъ нуждается въ деньгахъ, и что я долженъ сейчасъ же вернуться обратно въ кабинетъ Короткаго и дать ему болѣе крупную сумму денегъ. Я тотчасъ же вернулся обратно къ Короткому,

сталъ просить его разрѣшить мнѣ позднюю торговлю и въ это время положилъ ему шесть бумажекъ, по 500 рублей каждая,—всего на сумму 3000 рублей. Тогда Короткій, прикрывъ деньги бумагами, лежавшими на письменномъ столѣ, немедленно написалъ на моемъ прошеніи: «разрѣшаю производить торговлю до 5 часовъ утра». По возвращеніи домой, я показалъ полученное мною разрѣшеніе Приставу Ползикову, который сообщилъ мнѣ, что, впредь до полученія оффиціальнаго извѣщенія въ участкѣ о данномъ мнѣ разрѣшеніи, онъ торговли до 5 часовъ утра не допуститъ. По моей просьбѣ, Ползиковъ спросилъ по телефону Короткаго, который и сообщилъ, что онъ разрѣшилъ мнѣ позднюю торговлю, и съ тѣхъ поръ я торговалъ до 5 часовъ утра до ухода Короткаго. Спустя нѣсколько времени, мнѣ была прислана квитанція въ полученіи отъ меня на дѣла благотворенія лишь 500 рублей, на остальные же 2.500 р. я никакой квитанціи до настоящаго времени не получалъ».

Начальникъ Сыскной Полиціи Моисеенко показалъ: «Въ четырехъ меблированныхъ комнатахъ на Домниковской улицѣ чинами Сыскной Полиціи обнаружены были разныя нарушенія обязательныхъ постановленій, о чемъ были составлены соотвѣтствующіе протоколы. Когда я доложилъ объ этомъ Полковнику Короткому, послѣдній приказалъ оштрафовать содержателей меблированныхъ комнатъ по 5 рублей съ номера по числу имѣющихся у каждаго номеровъ, въ пользу нашихъ благотворительныхъ учрежденій».

Способъ воздѣйствія Полковника Короткаго на ассенизаторовъ явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ показаній свидѣтелей Заколодиной, Грана, Шалугина, Иванова и др.

Содержательница обоза Евдокія Заколодина показываетъ, что у нея, за провинности ея рабочихъ, безъ всякаго извѣщенія закрыли обозъ, а черезъ два дня лишили совсѣмъ права производить промыселъ. «Я бросилась въ Градоначальство, продолжаетъ она, такъ какъ такая мѣра грозила мнѣ съ семьей (два малолѣтнихъ пасынка) разореніемъ. Меня встрѣтилъ Полковникъ Короткій на лѣстницѣ; сначала раскричался на меня, крикнувъ, что будетъ «давить меня рублемъ», потомъ наложилъ штрафъ въ 100 рублей. Деньги я тутъ же внесла, взявъ ихъ у нѣкоего Василія Дмитріева Сукова, которому впослѣдствіи съ большимъ убыткомъ продала обозъ; деньги 100 р. я отдала какому то чиновнику внизу, и онъ мнѣ сказалъ: «Никакой квитанціи вамъ не будетъ». Обозъ открыли черезъ

восемь дней, когда имъ владѣлъ уже Суковъ. Этотъ случай меня совершенно и окончательно разорилъ. Прежде, бывало, я кормилась, а теперь ничего не дѣлаю. За время, когда обозъ стоялъ опечатанный, я потеряла около 630 руб., да и продала его съ убыткомъ около 1.000 рублей, такъ какъ была прямо къ этому вынуждена. Все мое жизненное благополучіе разрушено этимъ: пришлось и квартиру и «всѣ корни», такъ сказать, бросать».

Показаніе отходника Грана гласитъ: «Мы такъ страшно были запуганы его, Короткаго, строгостью, что о какихъ бы то ни было возраженіяхъ или разъясненіяхъ даже и заикнуться нельзя было; скажутъ обыкновенно оштрафованные: «благодарю Васъ» и уходятъ. Въ случаѣ же возраженія взысканіе увеличивалось, какъ было съ Губановымъ; у многихъ часто опечатывались обозы; у Заколодиной было закрыто заведеніе».

Показаніе Шалугина: «Осенью 1906 года одна изъ лошадей моего обоза была замѣчена больною въ работѣ; черезъ нѣсколько времени меня по телеграммѣ потребовали въ Градоначальство (въ то время мы еще не входили въ черту города и подчинялись уѣздной полиціи); здѣсь оказалось еще нѣсколько ломовыхъ извозчиковъ, лошади у которыхъ также работали больными. Насъ принялъ Помощникъ, Полковникъ Короткій, который объяснилъ, что Градоначальникъ приказалъ насъ штрафовать по числу лошадей у каждаго; съ меня потребовали штрафу 25 руб., но я упросилъ уменьшить, и Полковникъ назначилъ мнѣ 10 руб.; на второй день я принесъ деньги и сдалъ ихъ въ Казначейство».

Отходники Михаилъ Ивановъ и Михаилъ Петровъ разсказываютъ: «Вызвали разъ къ Градоначальнику . . . . Цѣлый день ходили по разнымъ канцеляріямъ и все спрашиваемъ: «Который же изъ насъ оштрафованъ», а они тамъ и сами не знаютъ; спрашиваютъ меня: «У тебя сколько бочекъ?», говорю: «восемь»; а Михаилъ Петровъ говоритъ: «У меня всего пять лошадей»; подумалъ чиновникъ, тотъ, который прошенія принимаетъ, и говоритъ тому,—Михаилу Петрову: «Ну, должно быть,—тебя, приноси завтра 24 рубля».

«Въ то время, вообще, намъ, мелкимъ ассенизаторамъ, жилось туго», говоритъ ассенизаторъ Шадровъ: «два, три крупныхъ штрафа разоряли въ конецъ, вотъ какъ, напримѣръ, случай съ Заколодиной; женщина она была и безъ того не богатая, а тутъ еще и совсѣмъ дѣла лишилась, или Губановъ, напримѣръ, уже совсѣмъ не виноватъ былъ, а сколько убытку понесъ. А рабочихъ нашихъ совсѣмъ не привлекали къ отвѣту и нельзя было и самимъ взыскать съ нихъ, потому что, какой значекъ провинился, не позволяли навести справку. Вообще, могу сказать, что за время съ конца 1906 года и часть 1907 г. были крупно перештрафованы всѣ

ассенизаторы. Раньше, при Генералѣ Треповѣ или при Генералѣ Волковѣ, мы не знавали даже, что такое Градоначальство. Штрафы были, но посильные, и разборъ дѣлу былъ. Особенно и не обидно было тогда платить: рабочій отвѣчалъ за себя, хозяинъ за себя. Всего въ Градоначальствѣ я былъ три раза; въ третій разъ видѣлъ я Полковника Короткаго, который вызывалъ еще Морозова, Грана, Чурилина и другихъ; всѣмъ намъ онъ сказалъ, что тѣ, у кого до 10 лошадей, будутъ оштрафованы на 50 руб. а, у кого больше, на 100, а, за что и когда, не сказалъ, но только насъ больше не штрафовали. Зачѣмъ онъ намъ грозилъ, такъ я и не понялъ,—очень были мы въ это время напуганы».

Показаніе Морозова: «Работникъ мой, не завернувъ достаточно плотно кранъ бочки, розлилъ часть перевозимыхъ нечистотъ. Я тогда же отправился въ Градоначальство, гдѣ и явился къ Помощнику Градоначальника, Полковнику Короткому, съ просьбой о раскрытіи обоза. Короткій отвѣтилъ мнѣ, что распоряженіе будетъ сдѣлано, и самое дѣло прекращено, если я внесу 100 р. въ пользу Благотворительнаго Общества. Я внесъ эти деньги тогда же въ Казначейство Градоначальства и получилъ квитанцію; въ этотъ же день вечеромъ мнѣ въ участкѣ было объявлено о томъ, что обозъ мой распечатанъ. Нѣсколько дней спустя, я и нѣсколько другихъ отходниковъ вызваны были въ Градоначальство Полковникомъ Короткимъ, который заявилъ намъ, что наши обозы не совсѣмъ въ порядкѣ, и что, во избѣжаніе разныхъ непріятностей съ полиціей, намъ нужно внести въ пользу Благотворительнаго Общества каждому ту сумму, которую онъ назначитъ. На мою долю приказано было внести 50 рублей, что я тогда же исполнилъ и получилъ также квитанцію. Я слышалъ, что и съ другими отходниками поступали такъ же, какъ со мною, т. е., при обнаруженіи разлитія нечистотъ, вызывали въ Градоначальство и требовали взноса денегъ въ пользу Благотворительнаго Общества, послѣ чего распечатывали вновь обозы. Такъ уплатили Юрловъ, кажется, 100 р., Заколодина—не знаю, сколько, и покойный Степановъ, по его словамъ, выдалъ 500 р.».

«Помню, что штрафъ съ моего мужа взысканъ Полк. Короткимъ»,—показываетъ вдова Степанова, — «который, по словамъ мужа, вызвавъ его, сказалъ: «Штрафую тебя на 500 рублей», на что мужъ только попросилъ разсрочить штрафъ; возражать, конечно, нельзя было,—полиція еще пуще стала бы притѣснять».

«Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ телеграммой черезъ участокъ меня вызвали къ Градоначальнику», разсказываетъ отходникъ Губановъ. «Когда я явился туда, я увидѣлъ тамъ Помощника Градоначальника Короткаго и экзекутора Матвѣева. Когда меня вызвали въ кабинетъ къ Короткому, тотъ сразу заявилъ мнѣ, что штрафуетъ меня на сто рублей; на мой вопросъ, за что,

онъ отвѣтилъ, что мой работникъ Филиппъ Степановъ Шибановъ розлилъ нечистоты около Виндавскаго вокзала. Я знаю Шибанова, но онъ служитъ не у меня, а у моего знакомаго Тяпкина, который имѣетъ три бочки для своего хозяйства (не для промысла). Объ этомъ заявилъ Короткому и сказалъ, что я тутъ не причемъ. Тогда Короткій очень разсердился, вернулъ мнѣ сто рублей, которые я было внесъ, и сказалъ, чтобы завтра я приносилъ двѣсти. Я, чувствуя себя невиновнымъ и по крестьянскому обычаю, поклонился ему въ ноги. Это еще болѣе разсердило Короткаго, онъ закричалъ: «Ты мнѣ мужицкихъ фокусовъ не представляй, завтра принесешь 500, а теперь пошелъ вонъ». Меня вывели подъ руки, и я заплакалъ отъ обиды. Между тѣмъ, по распоряженію Полковника Короткаго, мой обозъ запечатали, а, у кого я работалъ не по кантракту, тѣ начали нанимать другихъ за мой счетъ. Зная, что Шибановъ, дѣйствительно, у кого то служитъ въ работникахъ около Крестовской заставы,—чтобы разъяснить недоразумѣніе, я пошелъ къ своему Приставу Заневскому, который и вошелъ въ мое положеніе, давъ мнѣ записку въ Управленіе 3 участка Мѣщанской части. Деньги двѣсти рублей на слѣдующій день я отдалъ лично Полковнику Короткому, который, взявъ деньги, сказалъ: «Если бы сегодня не принесъ 200 рублей, завтра пришлось бы вносить 500, а обозъ все будетъ стоять». Въ Управленіи Пристава 3 участка Мѣщанской части недоразумѣніе разъяснилось: оказалось, что виноватъ, дѣйствительно, Шибановъ, ѣхавшій на бочкѣ, принадлежавшей Тяпкину, съ которымъ мы имѣли случайно одинаковые городскіе промысловые номера-значки (у меня полугодовой, у него годовой). Объ этомъ недоразумѣніи Приставъ сейчасъ же сообщилъ въ Канцелярію Градоначальника по телефону. Тогда вызвали опять меня и Тяпкина. Въ Градоначальствѣ Короткаго мы уже не видали, мнѣ двѣсти рублей наложеннаго на меня штрафа вернули, а съ Тяпкина этотъ штрафъ взыскали въ суммѣ двѣсти рублей, которые онъ внесъ тутъ же и получилъ квитанцію на внесеніе имъ двухсотъ рублей въ пользу пріюта для престарѣлыхъ низшихъ чиновъ полиціи и школы для ихъ дѣтей. Я, раньше уплативъ эти возвращенные мнѣ двѣсти рублей, никакой квитанціи не получалъ. Къ экзекутору Матвѣеву я обратился съ просьбой о возмѣщеніи понесенныхъ мною убытковъ около 500 руб., такъ какъ трое сутокъ работали за мой счетъ другіе ассенизаторы, а мои лошади стояли безъ дѣла. На это Матвѣевъ сказалъ мнѣ: «Повѣсь язычекъ на крючекъ, вознагражденія не просите, а то мы узнаемъ, гдѣ вы живете». Это слышалъ и Тяпкинъ; съ тѣмъ я и ушелъ, было мнѣ очень обидно,—до слезъ».

Слѣдуя примѣру своего непосредственнаго начальника, Генерала Рейнбота, Полковникъ Короткій увеличивалъ средства полицейскаго Благотворительнаго Общества привлеченіемъ въ число жертвователей представителей игорныхъ клубовъ, которые вынуждены были дѣлать благотворительные взносы въ пользу названнаго Общества, ибо, въ противномъ случаѣ, имъ грозило прекращеніе или, по меньшей мѣрѣ, стѣсненіе въ азартной карточной игрѣ. Подробнѣе о пріемахъ Полковника Короткаго, по сбору пожертвованій съ клубовъ, будетъ сказано ниже, при общей обрисовкѣ отношеній его къ дѣятельности Московскихъ игорныхъ притоновъ.

Въ дополненіе къ изложенному, нелишнимъ считаю привести слѣдующую характерную подробность, отмѣченную показаніемъ бывшаго Начальника Московской Сыскной Полиціи Моисеенко: давъ распоряженіе объ оштрафованіи содержательницъ меблированныхъ комнатъ, Полковникъ Короткій приказалъ Моисеенко объявить это распоряженіе наказаннымъ въ присутствіи одного изъ Чиновниковъ для порученій. «Сдѣлано это было,—по мнѣнію Моисеенко,—для большей важности».

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ Полковникъ Короткій сознавалъ незаконность предъявляемыхъ имъ къ разнымъ лицамъ требованій о взносѣ денегъ на нужды градоначальственной благотворительности, я нахожу, что, не говоря уже о ясныхъ по сему предмету указаніяхъ уголовнаго закона (338 и 341 ст. ст. Улож. Наказ.), достаточно отрезвляющимъ Полковника Короткаго моментомъ должна была бы явиться слѣдующая бесѣда его съ Помощникомъ Градоначальника, Д. С. С. Петровымъ.

«Въ сосѣднемъ съ моимъ кабинетомъ помѣщеніи Полковника Короткаго, показываетъ Д. С. С. Петровъ, разъ поднялся такой невозможный шумъ, что я вынужденъ былъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и засталъ такую картину. На двухъ стоящихъ женщинъ, оказавшихся содержательницами, кажется, домовъ свиданій, неистово кричалъ, стуча кулаками по столу, И. д. Начальника Сыскной Полиціи Моисеенко; дѣло шло о какомъ то нарушеніи и было покончено уплатою ими денежной суммы на дѣла благотворенія. Позволить дѣйствовать такъ на глазахъ у меня, очевидно, было нельзя, и я сейчасъ же рѣшился на переговоры съ Полковникомъ Короткимъ. Болѣе часа въ моемъ кабинетѣ я разсказывалъ ему, какъ и въ какомъ порядкѣ я провелъ нѣсколько благотворительныхъ кампаній по поводу различныхъ мѣстныхъ бѣдствій, состоя на службѣ въ

губернскихъ установленіяхъ; что вездѣ, гдѣ дѣло желаютъ вести правильно, жертвуемыя деньги можетъ получить отъ вносящаго только Казначей учрежденія; что сборъ денегъ въ практикуемой въ Градоначальствѣ формѣ является вымогательствомъ, и что необходимо ввести опубликованіе списка полученныхъ пожертвованій (именного), съ обозначеніемъ размѣра суммы, печатаемаго въ газетахъ ежемѣсячно. Отвѣтивъ мнѣ по поводу опубликованія списка, что это «неудобно», Полковникъ Короткій на доводы мои о томъ, что инициаторы такого сбора роютъ себѣ яму, изъ которой имъ рано или поздно не выбраться,—очень разстроился».

На незаконность наложенія штрафовъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій указывалъ Полковнику Короткому и Начальникъ Сыскной Полиціи Моисеенко. Какъ видно изъ показанія послѣдняго, даннаго Сенаторской ревизіи,—когда Короткій приказалъ ему взыскать «благотворительный» штрафъ съ содержательницъ меблированныхъ комнатъ, и Моисеенко позволилъ себѣ доложить ему, что «штрафы за нарушеніе обязательныхъ постановленій имѣютъ опредѣленное назначеніе», Полковникъ Короткій отвѣчалъ: «Это все равно».

При изслѣдованіи вопроса объ отношеніяхъ Полковника Короткаго къ клубамъ, вниманіе Сенаторской ревизіи остановлено было, въ частности, выясненіемъ отношеній его къ тремъ клубамъ: Музыкальному собранію, Преображенско-Семеновскому общественному собранію и Артистическому клубу.

Объ отношеніи Короткаго къ Музыкальному собранію свидѣтельствуютъ слѣдующія показанія директора и казначея клуба Остафьева, предсѣдателя Данцигера и бухгалтера Сторка.

«Ночью, часовъ въ 12, показываетъ г. Остафьевъ, является Приставъ 2 уч. Арбатской части съ бумагой отъ Градоначальника — безъ объясненія причинъ пріостановить всякую игру въ клубѣ». «30 или 31 Октября во время концерта, продолжаетъ г. Остафьевъ, явился въ клубъ Помощникъ Градоначальника Коротній и, какъ выяснилось, по его словамъ, страстный любитель музыки и пѣнія, остался въ восторгѣ отъ концерта и далъ понять, что онъ можетъ склопотать объ открытіи игры въ клубѣ . . . . Рѣшено было, чтобы Сторкъ отправился къ г. Короткому; послѣ него я поѣхалъ, и было получено отъ Короткаго частное разрѣшеніе играть во всѣ игры, а я обязался отъ лица директоровъ ежемѣсячно ему уплачивать на Благотворительное Общество при Градона-

чальствѣ по 500 руб. въ мѣсяцъ, въ 2 раза: 300 руб. и 200 руб. На меня была возложена эта непріятная обязанность возить деньги г. Короткому. Первый разъ я отвезъ ему на квартиру 300 р., но г. Короткій просилъ привозить деньги къ нему въ домъ Гродоначальника, куда затѣмъ я ѣздилъ отдѣльно, по приглашенію Короткаго; въ кабинетѣ его передавалъ ему деньги. Я началъ думать, что вожу деньги не Обществу, а Короткому, что и было какъ то непріятно, но на первые 300 р. была получена, спустя долгое время, квитанція отъ Общества, чему я очень и очень былъ радъ; впослѣдствіи же г. Короткій только обѣщалъ каждый разъ прислать квитанцію, но не присылалъ, и мы всѣ рѣшили вопросъ, что деньги, очевидно, поступаютъ не туда, куда слѣдуетъ; такъ продолжалось 3 или 4 мѣсяца, кажется, первое вѣрнѣе». «Всего я заплатилъ Полковнику Короткому, какъ я совершенно опредѣленно припоминаю, 1000 руб. въ три пріема. Первый разъ въ Ноябрѣ я свезъ ему на квартиру 300 руб., затѣмъ, въ Декабрѣ въ домъ Градоначальства 200 р. и, наконецъ, въ Январѣ тоже въ домъ Градоначальства 500 руб. По поводу послѣдняго взноса ясно припоминаю слѣдующее. Когда я былъ у Короткаго въ Декабрѣ, онъ, пригласивъ меня послѣ общаго пріема, котораго я былъ свидѣтелемъ, въ кабинетъ, сказалъ: «Вы видѣли, какова наша должность, сколько было просителей. Вы видѣли, приходилось вынимать и давать свои деньги (дѣйствительно, я видѣлъ это). Вотъ въ какомъ положеніи мы находимся. Пожалуйста, на слѣдующій разъ, когда вы привезете деньги, пожалуйста, въ двухъ пакетахъ, такъ: 300 и 200». . . . . Въ Январѣ, согласно его желанію, я доставлялъ ему деньги въ двухъ пакетахъ: въ одномъ 300, въ другомъ 200 рублей. И тутъ Полковникъ Короткій, принявъ съ благодарностью деньги и положивъ пакеты въ письменный столъ, напомнилъ мнѣ о своемъ тяжеломъ положеніи, какъ администратора. «Какъ, только, вы,—вдругъ спросилъ онъ,—записываете деньги?». Я сказалъ: «На Благотворительное Общество при Градоначальствѣ». «Да, отвѣчалъ онъ, пожалуйста, такъ, а то, знаете, могутъ быть разные разговоры. Вотъ и теперь говорятъ, что я беру взятки. Полковникъ Гвардіи взятокъ брать не можетъ».

Показаніе Данцигера: «4 Января 1907 года Остафьевъ отъ имени клуба возилъ на домъ Полковнику Короткому на благотворительность пятьсотъ рублой, я это твердо помню; такой квитанціи или же росписки намъ не дали. Вообще, клубъ платилъ ежемѣсячно по пятисотъ рублей на благотворительныя дѣла. Деньги возились Остафьевымъ прямо на руки Короткому. . . . . Болѣе подробно о взяткахъ, уплаченныхъ клубомъ, должны знать хозяйственный старшина Остафьевъ и бухгалтеръ Сторкъ. . . . . Эти расходы должны были вноситься въ книгу, но, мо-

жетъ быть, замаскированы записью условными словами, напримѣръ: «на Администрацію».

Бухгалтеръ Сторкъ показалъ: «Немедленно по вступленіи на должность Короткаго пришла телеграмма, воспрещавшая намъ карточную игру. Одновременно съ нами соотвѣтственныя телеграммы получены были клубами Столичнымъ, Музыкально-Драматическимъ и, кажется, Преображенско-Семеновскимъ. Когда же Короткому уплачены были 500 рублей, игра возобновилась, и лично посѣтившій насъ Полковникъ заявилъ, что никакого разрѣшенія со стороны мѣстной полиціи не надо. На слѣдующій день мѣстная полиція (Помощникъ Пристава) собиралась составить протоколъ по поводу недозволенной игры и даже составила черновикъ этого протокола; тогда я поѣхалъ къ Градоначальнику, и Короткій успокоилъ меня, сказавъ, что никакихъ притѣсненій не будетъ. Вечеромъ участку по телефону было заявлено: «на какомъ основаніи вы вмѣшиваетесь въ дѣла Кабинета? разъ Кабинетъ не запрещаетъ, что же вы вмѣшиваетесь?». Въ другомъ мѣстѣ своего показанія Сторкъ говоритъ: «Я побѣжалъ къ Короткому, такъ какъ тотъ мнѣ прямо сказалъ: «приходите ко мнѣ во всякое время дня и ночи, я вашъ защитникъ». . . . . Казначей нашъ иначе не возилъ ему денегъ, какъ къ ночи».

Какъ доказательство правильности заявленія Сторка о расходахъ Музыкальнаго собранія на полицію, въ дѣлахъ Сенаторской ревизіи имѣется выписка изъ кассовой книги названнаго клуба.

Въ книгѣ этой указаны, между прочимъ, расходы, обозначенные слѣдующимъ образомъ:

1906 г. Ноября 26	Общ. Кор.	300 руб.
Декабря 4	Общ. Кор.	200 »
1907 г. Января 4	Администр.	500 »

Кромѣ того, есть рядъ и другихъ болѣе мелкихъ цифръ, обозначенныхъ расходомъ на «Администрацію».

По объясненію г. Сторка—лица, ведшаго вышеозначенныя записи, «Администр.» слѣдуетъ читать «Администраціи» и означаетъ расходы на полицію и Градоначальство; «Общ. Кор.» слѣдуетъ читать «Обществу Короткаго» и означаетъ личный взносъ Помощнику Градоначальника, Полковнику Короткому. Казначей Остафьевъ показалъ: «что касается записей подъ 26 Ноября и 4 Декабря 1906 г., а также записи подъ 4 Января 1907 г., то подъ этими записями скрываются взносы, сдѣланные, по порученію клуба, лично мною Полковнику Короткому».

Изъ изложеннаго съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что Полковникъ Короткій получилъ отъ Московскаго Музыкальнаго собранія не менѣе 1000 рублей.

Отношеніе Полковника Короткаго къ Преображенско-Семеновскому собранію выясняется изъ слѣдующаго показанія Подполковника въ отставкѣ Ивана Ив. Макареско: «Я былъ избранъ старшиною Преображенско-Семеновскаго собранія въ двадцатыхъ числахъ Сентября 1906 г., а 27 Октября того же года совѣтъ старшинъ избралъ меня своимъ предсѣдателемъ. Я принялъ клубъ въ плачевномъ состояніи: доходы едва достигали 2—3 рублей въ день, а долгу было свыше 6 тысячъ рублей. При мнѣ дѣло быстро поправилось: доходъ поднялся до 800—1000 рублей въ день, и въ Октябрѣ—Ноябрѣ главные долги были погашены. Объ оффиціальной благотворительности — благотворительности чрезъ Градоначальство или въ Градоначальство—до покушенія на жизнь бывшаго Градоначальника, Генерала Рейнбота, вопроса не возникало. Въ связь съ счастливымъ спасеніемъ Генерала отъ смертной опасности ставилась, по слухамъ, широкая личная его благотворительность. Вотъ этою то благотворительностью и мотивировалась попервоначалу идея пожертвованія денегъ въ распоряженіе Его Превосходительства. Охватившая широкіе круги, идея эта не миновала и нашъ клубъ. Стали настойчиво говорить: необходимо пожертвовать, необходимо пожертвовать. Указывала на это и полиція. Я—какъ сейчасъ помню—взялъ съ собою 300 рублей въ пакетѣ и поѣхалъ въ Градоначальство. Н. П. Яковлевъ доложилъ обо мнѣ Полковнику Короткому. Короткій, принявъ пакетъ, спросилъ: «Это кому?». Я отвѣтилъ: «Генералу Рейнботу съ благотворительною цѣлью». Короткій тутъ же сообщилъ о моемъ пожертвованіи Градоначальнику. Тотъ вышелъ, поблагодарилъ и велѣлъ выдать квитанцію, которую я и получилъ—не помню точно—тогда же или нѣсколько позже. Вопросъ Короткаго: «это кому» и общеизвѣстное обстоятельство, что Короткому поручено завѣдываніе клубами (кстати,—Короткій и былъ предъ тѣмъ у насъ въ клубѣ, но, къ счастью, остался всѣмъ доволенъ, сдѣлавъ лишь замѣчаніе по поводу допущенія въ клубъ «свободныхъ» женщинъ), остановили меня на мысли, что надо сдѣлать пожертвованіе и Короткому. Въ тотъ же вечеръ или, можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней, я взялъ съ собою 200 руб. и повезъ ихъ къ Короткому. Короткій былъ очень любезенъ, принялъ деньги и сказалъ, что, какія бы ни случились недоразумѣнія въ клубѣ, онъ предлагаетъ обращаться къ нему, Короткому, чтобы онъ, Короткій, зналъ, какъ доложить Градоначальнику. Не помню безъ

книгъ, въ коихъ проведены эти деньги, не помню хорошо, когда все это было, но могу утвердительно сказать: не ранѣе второй половины Ноября и не позже первыхъ чиселъ Декабря 1906 года. Въ тотъ же разъ, въ предупрежденіе непріятностей и по общему порядку, принятому въ клубахъ того времени, мною рѣшено было дѣлать въ Градоначальство ежемѣсячные взносы, и я предупредилъ объ этомъ Короткаго. Когда я поѣхалъ на Тверской бульваръ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго взноса, я взялъ съ собою уже два пакета: въ одномъ 300, въ другомъ 200 руб. и, передавая ихъ опять Короткому, объяснилъ, что первый предназначается Генералу, а второй ему. Также я поступалъ, когда привозилъ Короткому деньги и въ послѣдующемъ. Но, сколько именно разъ, за какое именно число мѣсяцевъ я сдѣлалъ Короткому свои взносы, не помню,—могу лишь сказать, что не менѣе 3-хъ разъ, и что въ Мартѣ, когда и дѣла клуба пошли хуже, и стали носиться слухи объ упадающихъ на Короткаго подозрѣніяхъ въ присвоеніи поступавшихъ къ нему денегъ, я своего взноса не повезъ. Всегда Короткій принималъ меня запросто, любезно, угощалъ папиросами и не разъ жаловался на затруднительность своего матеріальнаго положенія. «Жалованье,—говоритъ, бывало,—нищенское, а расходовъ уйма, нельзя выйти изъ дома, всюду просятъ помощи». Указаніе на то, что и ему приходится много благотворить, было прямое, и этимъ, несомнѣнно, оправдывалось назначеніе моихъ взносовъ. Впрочемъ, я разъ какъ то замѣтилъ: «Не лучше ли было бы, Полковникъ, если бы Градоначальникъ циркулярно обложилъ клубы взносами на благотворительность, соотвѣтственно доходности каждаго клуба, а то, право, привозишь вамъ деньги и краснѣешь: какъ будто даешь взятку». Полковникъ вздохнулъ: «Что дѣлать, что дѣлать». Квитанцій въ полученіи отъ меня пожертвованій, кромѣ единственной вышеупомянутой, я не получалъ. Въ Апрѣлѣ и въ теченіе Мая, какъ и въ Мартѣ, я не жертвовалъ въ Градоначальство, а 28 Мая совсѣмъ вышелъ изъ клуба, измученный клубною жизнью съ обычными ея непріятностями».

Если вѣрить этому показанію, а не вѣрить ему нѣтъ основанія, Короткій получилъ отъ Преображенско-Семеновскаго собранія не менѣе 1500 рублей.

Первое (косвенное) показаніе объ отношеніяхъ Артистическаго клуба къ Короткому дала артистка Н. Ф. Лейнгардъ, заявивъ, что къ ней въ Одессу пріѣзжалъ Молдавцевъ, прося познакомить его съ Ген. Рейнботомъ. «Г. Молдавцевъ заявилъ мнѣ»,—объясняетъ свидѣтельница,—«что полиція всячески притѣсняетъ клубъ и налагаетъ такіе поборы, которые не

подъ силу клубу; не помню хорошо, про кого онъ именно говорилъ, но мнѣ припоминается фамилія Короткаго».

Тотъ же И. И. Макареско, показаніе котораго приведено выше, дополнительно разсказалъ: «Когда я первый разъ привезъ Короткому деньги, я былъ свидѣтелемъ такой сцены. Выбѣгаетъ Короткій изъ кабинета и, обращаясь къ Яковлеву, кричитъ: «Артистическому клубу точка,—такъ и запишите, точка, я имъ покажу, на основаніи ст. 24 Пол. объ охр., покажу, какъ пикать». Думаю, что такое. Вѣдь владѣльцемъ Артистическаго клуба былъ въ то время мой братъ Николай Ивановичъ, который вложилъ въ этотъ клубъ большія деньги. Я, вручая Короткому деньги, воспользовался случаемъ, чтобы просить пожалѣть брата. «А я, говоритъ Короткій, думалъ, что это клубъ жида Молдавцева». «Нѣтъ, говорю я, это клубъ Николая Ивановича, всѣ деньги—его, я привезу его къ Вамъ, Полковникъ, и Вы внушите ему, какъ надо держать клубъ». Короткій согласился: «пріѣзжайте». Я сейчасъ же поѣхалъ къ брату и, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, предупредилъ, что нужно захватить съ собой на всякій случай деньги. Николай Ивановичъ взялъ съ собою, кажется, 950 руб., сумму, которая была при немъ, и мы вмѣстѣ отправились. Въ концѣ бесѣды Короткаго съ братомъ я счелъ нужнымъ оставить ихъ вдвоемъ. Тутъ, какъ разсказывалъ потомъ братъ, и была преподнесена имъ Короткому находившаяся при немъ сумма денегъ. Тутъ же братъ получилъ отъ Короткаго приглашеніе пріѣхать къ нему въ тотъ день вечеромъ для полученія отъ него подробныхъ указаній, какъ нужно держать клубъ. Николай Ивановичъ, я знаю, поѣхалъ не безъ приношенія и вручилъ таковое. Кажется, въ этотъ разъ Короткому удалось получить до 2½ тысячъ рублей. Извѣстную услугу Короткому оказалъ Полиціймейстеръ Трутневъ, встрѣтившій брата въ квартирѣ Полковника Короткаго и старательно внушавшій брату, что къ Полковнику нужно быть внимательнымъ. Кажется, это былъ единственный случай взноса братомъ денегъ Короткому. Вскорѣ онъ былъ устраненъ отъ сношеній съ Градоначальствомъ по Артистическому клубу своимъ партнеромъ Молдавцевымъ».

14508/4.

«Я страдаю страшно слабой памятью», показываетъ Сенаторской ревизіи братъ И. И. Макареско, антрепренеръ Артистическаго клуба, дворянинъ Н. И. Макареско, «настолько слабою, что часто затрудняюсь вспомнить событія вчерашняго дня. Поэтому, установить точно, когда именно и сколько кому платилъ я по клубнымъ дѣламъ, я—по совѣсти говорю—не могу. По Артистическому клубу я, впрочемъ, не завѣдывалъ этими денежными выдачами: это было дѣло Молдавцева. Единственный разъ я свезъ Полковнику Короткому 1.000 руб. Не помню, гдѣ я передавалъ ему деньги,—въ кабинетѣ у него на дому или въ домѣ Градона-

чальства, но помню, что эту сумму я свезъ Короткому послѣ того случая, когда онъ былъ ошиканъ при посѣщеніи клуба (за что клубу грозила опасность репрессій), и послѣ того, какъ Короткій предварительно вызвалъ меня къ себѣ на квартиру чрезъ брата для внушеній. Не помню и того, далъ ли я Короткому больше тысячи. Всего я былъ у Короткаго два раза и только по вышеуказанному случаю: разъ на дому, разъ въ Градоначальствѣ; одинъ разъ по его вызову для внушеній, другой, чтобы свезти пожертвованіе. Далъ ли я Короткому деньги, когда былъ вызываемъ для внушеній, положительно не помню. Если мнѣ и будутъ предъявлены ордера Артистическаго клуба на выдачу денегъ, писанные моею рукою, наврядъ ли я вспомню, кому я платилъ деньги. Опять повторяю, у меня чрезвычайно слаба память. Все, что касается денежныхъ выдачъ и по Артистическому и по Спортивному клубамъ, лучше всего долженъ бы знать Адель. Это—человѣкъ со свѣжей головой, съ богатой памятью и не лгунъ».

Вотъ показаніе послѣдняго. Сообщивъ, что онъ, Адель, велъ счетную часть въ четырехъ Московскихъ клубахъ: Артистическомъ, Спортивномъ у «Омона», Шахматномъ и Спортивномъ въ домѣ Левиссона, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ С. О. Адель говоритъ:

«Дѣятельность всѣхъ этихъ клубовъ—можно по совѣсти сказать—была основана на систематическомъ подкупѣ администраціи. Особенно дойной коровой для нея являлся клубъ Артистическій, основанный Молдавцевымъ и Н. И. Макареско. Нельзя представить себѣ болѣе выгоднаго предпріятія: за первый годъ существованія клуба оба компаніона получили чистаго дохода 140.000 руб. (я самъ велъ личные счета того и другого); валовой доходъ въ періодъ допущенія азартныхъ игръ достигалъ минимально 35.000 руб. и максимально 48.000 руб. въ мѣсяцъ. Зато послѣ запрещенія азартныхъ игръ доходъ этотъ сразу упалъ до 7—8 тысячъ въ мѣсяцъ. Въ той же мѣрѣ запрещеніе азартныхъ игръ вліяло на доходность и другихъ клубовъ. Отсюда можно видѣть, насколько выгодно было путемъ хотя бы крупныхъ отчисленій добывать и поддерживать разрѣшеніе азарта. Мои свѣдѣнія объ отношеніяхъ Артистическаго клуба къ администраціи относятся ко времени сношеній этого клуба не съ бывшимъ Градоначальникомъ, а съ его Помощникомъ, Полковникомъ Короткимъ. Первый разъ Короткій посѣтилъ Артистическій клубъ во второй половинѣ Ноября 1906 г. Присутствовавшіе въ клубѣ артисты освистали Короткаго. Короткій пригрозилъ, прошелъ наверхъ и уѣхалъ. Немедленно звонокъ по телефону изъ Преображенско-Семеновскаго собранія: Иванъ Ив. Макареско вызываетъ Николая Ив. и говоритъ, что нужно дать Короткому смазку. Молдавцевъ и Макареско

устроили совѣщаніе. Молдавцевъ отказывался. Макареско обѣщалъ ему выдать изъ своихъ: «послѣ сочтемся». На слѣдующій же день Короткому было отвезено 3.200 р. Кто возилъ деньги, не знаю; кажется, Ив. Ив. Макареско. Но, кажется, эта сумма была занесена мною въ книги подъ формулой: «ходатайство по дѣламъ клуба». Позже я узналъ, что часть ея была внесена, такъ сказать, оффиціально «на благотворительность», и въ этой части выдана квитанція, а часть въ видѣ безгрѣшнаго дохода. Чрезъ шесть недѣль опять явился въ клубъ Короткій. «Основательная у васъ игра», сказалъ онъ, пройдясь по комнатамъ. . . . . »

8 Іюня 1908 г. С. О. Адель представилъ, между прочимъ, восемь ордеровъ на денежныя выдачи по Артистическому клубу и объяснилъ, что эти ордера были оправдательными документами для казначея, которому предъявлялись для полученія отъ него денегъ; выдавъ деньги, казначей оставлялъ ихъ у себя, чтобы затѣмъ передать бухгалтеру для проведенія соотвѣтствующихъ записей по книгамъ и оправданія этихъ записей. Представленные ордера имѣютъ видъ бумажекъ, по 3 приблизительно вершка длины, по 2 приблизительно вершка ширины, и гласятъ:

1) Тысяча девятьсотъ пятьдесятъ рублей на дѣла клуба 24 Ноября выдать. Макареско. (Штампъ казначея) 25 (исправлено 24) Ноя. 1906 г. Упл. Гр. А. Маразли. Сбоку рукою Макареско: «1950». Въ нижнемъ правомъ углу «К», что, по объясненіямъ Аделя, означаетъ взносъ Полковнику Короткому.

2) Тысячу двѣсти пятьдесятъ руб. по дѣламъ клуба выдать. Макареско. (Штампъ казначея) 25 Ноя. 1906. 1250 р. Гр. А. Маразли. Сбоку рукою Макареско: «1250 р.» Въ правомъ углу наверху «К», что имѣетъ то же значеніе.

При сопоставленіи показаній И. И. Макареско, Н. И. Макареско и С. О. Аделя съ содержаніемъ приведенныхъ ордеровъ Артистическаго клуба, нельзя не остановить вниманія на нижеслѣдующемъ:

И. И. Макареско, заявляя, что братъ его Н. И. Макареско былъ у Короткаго два раза, припоминаетъ, что въ первый разъ Николай Ивановичъ захватилъ съ собою «кажется, 950 р.», каковая сумма и была «преподнесена Короткому». Во второй разъ Николай Ивановичъ «поѣхалъ не безъ приношенія и вручилъ таковое»; «кажется, въ этотъ разъ Короткому удалось получить до 2½ тысячъ».

Самъ взяткодатель Н. И. Макареско, не смотря на «страшно слабую память», настолько слабую, что онъ затрудняется «вспомнить событія вчерашняго дня», припоминаетъ, однако, что, какъ показываетъ и его братъ, онъ былъ у Короткаго два раза: «разъ на дому, разъ въ Градоначальствѣ»; «одинъ разъ, по его вызову, для внушеній, другой, чтобы свезти пожертво-

ваніе». Н. И. Макареско «положительно не помнитъ, далъ ли онъ Короткому деньги и тогда, когда былъ вызываемъ для внушеній; не помнитъ (слѣдовательно, не отрицаетъ) и того, «далъ ли онъ Короткому болѣе тысячи».

Впрочемъ, въ виду изъяна собственной памяти, Н. И. Макареско предлагаетъ обратиться къ Аделю, который «лучше всего» знаетъ денежныя дѣла Артистическаго клуба, къ тому же «это-человѣкъ съ свѣжей головой, съ богатой памятью и не лгунъ». Послѣдній категорически утверждаетъ, что во второй половинѣ Ноября Макареско отвезъ Короткому 3200 р.

По ордеру отъ 24 Ноября показано расходомъ Макареско съ отмѣткой «К» 1950 р., а по ордеру отъ 25 Ноября выдано тоже Макареско 1250 р., и опять буква «К».

Такимъ образомъ, показанія И. И. Макареско и С. О. Аделя о размѣрѣ суммы, отвезенной Н. И. Макареско, почти совпадаютъ (И. И. Макареско 950+2500 р.; Адель —3200 р.), подтверждаются соотвѣтствующими ордерами Артистическаго клуба (1950+1250=3200 р.) и не отвергаются, въ общемъ, самимъ лицомъ, возившимъ эти деньги, т. е. Н. И. Макареско.

Вниманіе, которое Полковникъ Короткій удѣлялъ Московскимъ клубамъ, равно какъ и описанныя выше отношенія его къ нѣкоторымъ изъ заправилъ этихъ клубовъ—отнюдь не были случайными; напротивъ, многое заставляетъ думать, что Полковникъ Короткій дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, слѣдуя особой выработанной имъ системѣ. Подтвержденіемъ такой систематической преднамѣренности въ дѣйствіяхъ являются нижеслѣдующія показанія предсѣдателя правленія Нѣмецкаго клуба, доктора Битта, и Пристава участка, въ которомъ расположены были опекаемые Полковникомъ Короткимъ клубы, Подполковника Васильева.

Докторъ Биттъ показалъ: «Послѣ одного незначительнаго инцидента, который бываетъ въ каждомъ клубѣ, настолько незначительнаго, что я даже не припоминаю, въ чемъ онъ заключался, я былъ вызванъ къ Полковнику Короткому. Прибылъ я къ нему въ 8 часовъ вечера на квартиру. Онъ указалъ мнѣ на происшедшій инцидентъ и предупредилъ, что въ случаѣ возникновенія какого либо инцидента въ будущемъ, я немедленно и первому сообщалъ бы о семъ ему, Короткому, такъ какъ отъ него зависѣло передать въ томъ или другомъ свѣтѣ о происшедшемъ Генералу. Самому инциденту онъ не придалъ, какъ это и слѣдовало ожидать, никакого значенія. Заручившись моимъ согласіемъ слѣдовать его совѣту, Полковникъ любезно проводилъ меня до двери».

Приставъ Васильевъ донесъ производившему дознаніе о дѣйствіяхъ Полковника Короткаго Старшему Чиновнику ревизіи, Д. С. С. Хлѣбникову, что во ввѣренномъ ему, Приставу, участкѣ было 7 клубовъ. Во всѣхъ этихъ клубахъ открыто происходила игра въ желѣзную дорогу и баккара. Клубы эти нѣсколько разъ объѣзжалъ бывшій Помощникъ Градоначальника, Гвардіи Полковникъ Короткій, и обыкновенно въ сопровожденіи бывшаго Секретаря Градоначальника Н. И. Яковлева. *) «Отъ Полковника Короткаго мною было получено приказаніе»,—сообщаетъ Приставъ,—«чтобы о всѣхъ случаяхъ въ клубахъ я докладывалъ лично ему, и всѣ распоряженія о клубахъ шли отъ него. Мѣстная полиція касательства до игры въ клубахъ не имѣла, и только, если получались распоряженія Полковника Короткаго, то составлялись протоколы; такъ, по его приказанію, былъ составленъ протоколъ объ игрѣ въ азартныя игры въ Столичномъ клубѣ, который послѣ этого вскорѣ былъ закрытъ, и, по его приказанію, мною была запрещена игра въ биксъ въ Преображенско-Семеновскомъ клубѣ. Играющей публики было всего болѣе въ Артистическомъ клубѣ, въ которомъ было два хозяина-распорядителя: Молдавцевъ и Макареско. Находившійся въ моемъ участкѣ Артистическій клубъ не представлялъ исключенія среди другихъ по развитію въ немъ азартныхъ игръ и выдѣлялся среди нихъ числомъ посѣтителей и доходами. По поводу непорядковъ въ этомъ клубѣ особыхъ мѣръ мною не предпринималось, какъ не предпринималось ихъ по поводу непорядковъ и въ другихъ клубахъ, потому, что всѣ клубы находились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Полковника Короткаго, и послѣднимъ было дано мнѣ прямое приказаніе не составлять протоколовъ объ азартныхъ играхъ въ клубахъ, пока не послѣдуетъ особеннаго его, Полковника Короткаго, на то распоряженія. Полковникъ Короткій, самъ часто посѣщавшій клубы, прекрасно зналъ, что тамъ дѣлается, и особыхъ докладовъ о развитіи азарта въ клубахъ Полковнику Короткому дѣлать не приходилось».

На обращенный къ Полковнику Короткому Сенаторской ревизіей запросъ, какое предназначеніе получали взимаемые имъ съ разныхъ учрежденій и лицъ денежные взносы, бывшій Помощникъ Московскаго Градоначальника объяснилъ, что всѣ полученныя имъ деньги онъ частью препроводилъ въ Благотворительное Общество при Градоначальствѣ, частью самъ роздалъ бѣднымъ.

При сопоставленіи цифры взысканныхъ Полковникомъ Короткимъ благотворительныхъ пожертвованій съ книгой записей пожертвованій на

---

*) Яковлевъ дознаніемъ Сенаторской ревизіи, въ свою очередь, изобличенъ во взяткахъ, вообще, и съ клубовъ, въ частности.

Благотворительное Общество при Московскомъ Градоначальствѣ оказывается, что болѣе мелкія суммы, взыскивавшіяся съ отходниковъ и содержательницъ домовъ свиданій, вносились Полковникомъ Короткимъ въ кассу названнаго Общества, равно какъ внесенъ былъ туда и крупный взносъ Товарищества «Эрмитажъ-Оливье».

Иначе обстоитъ дѣло съ пожертвованіями клубовъ:

Музыкальное собраніе внесло Короткому не менѣе 1000 р.; записано въ книгу Общества 200, потомъ 300 и еще 300; всего—800; 200 не внесено.

По Преображенско-Семеновскому клубу внесено было не менѣе 1500 р; записано поступившими въ кассу только 900; 600—не хватаетъ.

По Артистическому клубу внесено, повидимому, 3200 р., въ кассу Общества поступило лишь 1000 р.; недочетъ въ 2200 р.

Если суммировать приведенныя цифры недочета и принять на видъ: 1) что, по показанію Скалкина, имъ, Скалинымъ, внесено было Полковнику Короткому 3000 р., между тѣмъ какъ въ кассу Общества поступило только 500 р., и 2) что отъ содержательницы дома свиданій Штейнмецъ, онъ, Полковникъ Короткій, получилъ 300 руб., а въ Благотворительное Общество внесъ лишь 250 р., то общій итогъ недовнесенныхъ денегъ выразится суммой: 200+600+2200+2500+50, т. е. болѣе 5000 р., и это за короткій срокъ, въ три—четыре мѣсяца.

По поводу раздачи Полковникомъ Короткимъ благотворительныхъ пособій на пріемахъ Сенаторской ревизіей собраны слѣдующія данныя:

Штабъ-офицеръ для порученій при Градоначальникѣ, Баронъ Ховенъ показалъ, что Полковникъ Короткій сталъ производить благотворительныя выдачи не ранѣе Октября, а по показанію Смотрителя дома Градоначальника Матвѣева, сопутствовавшаго Полковнику Короткому на пріемахъ, означенныя выдачи въ послѣднее передъ оставленіемъ Короткимъ службы время имъ, Короткимъ, болѣе не производились. При такихъ условіяхъ и принимая во вниманіе, что Полковникъ Короткій вступилъ въ должность въ 10-хъ числахъ Сентября 1906 г., а фактически покинулъ ее въ первыхъ числахъ Марта 1907 г, позволительно признать, что благотворительныя выдачи на пріемахъ бывшій Помощникъ Московскаго Градоначальника производилъ не болѣе какъ въ теченіе 4—4½ мѣсяцевъ.

По показанію того же Матвѣева, Полковникъ Короткій выдавалъ не болѣе 200 р. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, за все время могло быть роздано имъ не болѣе 800—900 р.

По его же, Матвѣева, объясненію, всѣ выдачи записывались имъ, Матвѣевымъ, въ особые счета и препровождались засимъ для оплаты нѣ-

кому Гельтищеву, который и возвращалъ Полковнику Короткому затраченныя послѣднимъ на благотворительныя пособія деньги.

При ближайшемъ выясненіи личности Гельтищева, оказалось, что это—богатый купецъ—благотворитель. На замѣчаніе Короткаго въ одномъ частномъ домѣ, что въ Градоначальство приходитъ много бѣдныхъ, не имѣющихъ на что доѣхать до дому, Ив. Ег. Гельтищевъ замѣтилъ: «Пожалуйста, будьте любезны, когда истратите—счетики мнѣ представьте». Короткій сталъ посылать «счетики», а Гельтищевъ ихъ оплачивать и продолжалъ оплачивать въ теченіе всего времени пребыванія Короткаго въ Москвѣ.

Опрошенный Сенаторской ревизіей Гельтищевъ не пожелалъ изъ скромности огласить сумму, уплаченную имъ Короткому, пояснивъ: «Я вообще врагъ оффиціальной благотворительности; не люблю оставлять по этому предмету слѣдовъ, почему счета отъ Короткаго немедленно рвалъ»; Короткій же довольно неопредѣленно заявляетъ, что Гельтищевъ заплатилъ «рублей 100,—можетъ быть, и больше».

Помощникъ Градоначальника, Д. С. С. Петровъ удостовѣряетъ, что передъ праздниками Рождества Христова въ 1906 г. Генералъ Рейнботъ, уѣзжая на недѣлю въ Петербургъ, оставилъ Полковнику Короткому для раздачи на пріемахъ «рублей 600».

На предложенный мною Полковнику Короткому вопросъ, сколько имъ выдано было благотворительныхъ пособій на пріемахъ за все время пребыванія его въ должности, бывшій Помощникъ Московскаго Градоначальника отвѣтилъ: «Прямо отказываюсь сказать»; на вопросъ же, оказывалъ ли онъ пособія внѣ пріемовъ и кому именно, онъ заявилъ, что далъ одной дамѣ на выѣздъ 15 руб., одному студенту 50 руб. и внесъ въ гимназію за обученіе сиротъ полицейскихъ 100 руб., прибавивъ: «Но ни одной фамиліи лицъ, которымъ помогалъ, вспомнить не могу; не помню и гимназіи, въ которую вносилъ деньги за полицейскихъ сиротъ».

Приведенныя данныя позволяютъ, казалось бы, съ достаточнымъ основаніемъ признать, что существо благотворительной дѣятельности Гвардіи Полковника Короткаго, въ бытность его Помощникомъ Московскаго Градоначальника, сводилось къ нижеслѣдующему: онъ, Короткій, бралъ на благотворительность; для видимости часть направлялъ въ Благотворительное Общество, а другую раздавалъ на пріемахъ; но эту вторую «видимость» покрывалъ по «счетикамъ» скромный филантропъ Гельтищевъ. Слѣдовательно, все или почти все, что Короткій получалъ, не внося затѣмъ въ Общество, обращалось имъ въ свою пользу; сюда же могли поступить и около 600 руб., оставленные ему, по показанію Д. С. С. Петрова, Генералъ-Маіоромъ Рейнботомъ для раздачи передъ Рождественскими праздниками.

Нѣтъ никакого основанія утверждать, что выведеною выше суммою (5000 руб. съ лишкомъ) исчерпывается вся незаконная прибыль, извлеченная Полковникомъ Короткимъ изъ пребыванія его въ Москвѣ. Установивъ достаточныя, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, основанія для возбужденія уголовнаго противъ Полковника Короткаго преслѣдованія по обвиненію его во взяточничествѣ, я счелъ излишнимъ производить дальнѣйшія въ семъ направленіи изысканія. Это не лишаетъ меня, однако, возможности доложить Правительствующему Сенату, что и въ имѣющихся уже матеріалахъ Сенаторской ревизіи содержатся нѣкоторыя данныя, подтверждающія высказанное предположеніе.

Такъ, по показанію Пристава Эрна, Полковникъ Короткій взялъ 25 рублей съ владѣльца небольшого фотографическаго предпріятія въ д. Кабанова, на Петровкѣ.

Содержатель чайной лавки Скворцовъ показалъ, что рестораторъ Шейкинъ за открытіе трактира уплатилъ Короткому 500 руб.

Окончившій курсъ юридическихъ наукъ Адель сообщаетъ, что знакомый его, арендаторъ Музыкально-Драматическаго Кружка (клуба) въ Москвѣ, частный повѣренный Могилевичъ отвезъ, повидимому, Полковнику Короткому 1000 рублей.

Какъ упомянуто было и выше, Гельтищевъ оплачивалъ «счетики» Короткаго во все время пребыванія послѣдняго въ Москвѣ. На предложенный Сенаторской ревизіей вопросъ, не платилъ ли онъ Короткому и безъ счетовъ, Гельтищевъ отвѣтилъ, что «точно» не помнитъ, «но, можетъ, и платилъ». Это «можетъ, и платилъ», въ связи съ тѣмъ, что, по показанію Матвѣева, Короткій въ послѣдніе мѣсяцы прекратилъ раздачу денегъ на пріемахъ, заявивъ, что Гельтищевъ больше не платитъ, невольно наводитъ на мысль, что Гельтищевъ продолжалъ платить Короткому «безъ счетиковъ», но Короткій уже не обращалъ взносы Гельтищева по назначенію.

Спрошенной мною 3 сего Февраля, бывшій Помощникъ Московскаго Градоначальника, Полковникъ В. А. Короткій, сверхъ вышеприведеннаго заявленія своего о томъ, что онъ не помнитъ, кому и сколько роздалъ денегъ, далъ, между прочимъ, слѣдующія показанія *):

«Когда я пріѣхалъ въ Москву, я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Генералъ Рейнботъ поручилъ мнѣ наружную полицію. Онъ рекомендовалъ мнѣ проѣхать по участкамъ, по пожарнымъ частямъ». «Однажды Градо-

---

*) Протоколъ опроса Полковника Короткаго при семъ прилагается.

начальникъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я не посѣщаю пожарныхъ частей. Я извинился и сталъ посѣщать». «Особаго надзора за клубами мнѣ поручаемо . . . не было».

Заявленіе самого Полковника Короткаго, что Градоначальникъ обращалъ его вниманіе на надзоръ за полиціей, а равно приведенныя выше объясненія Д. С. С. Петрова о томъ, что и онъ, Д. С. С. Петровъ, рекомендовалъ Короткому то же самое, лишній разъ подтверждаютъ, что систематическіе объѣзды промышленныхъ заведеній, клубовъ и т. п. не вытекали изъ существа возложенныхъ на Полковника Короткаго обязанностей, почему и естественно предположить, что, если онъ, Короткій, тѣмъ не менѣе, сосредоточивалъ свою дѣятельность въ этой именно области, то имѣлъ особый къ тому разсчетъ.

Дальнѣйшее показаніе Полковника Короткаго: «Отходниковъ штрафовалъ потому, что штрафовалъ ихъ и Градоначальникъ, но, на основаніи какого закона, не знаю» едва ли требуетъ какихъ либо комментарій.

Считаю нелишнимъ отмѣтить и слѣдующія заявленія Полковника Короткаго:

«Трактирщиковъ я не штрафовалъ».

«Чтобы я штрафовалъ владѣльцевъ меблированныхъ комнатъ по числу комнатъ, никогда не было. Слышу это въ первый разъ».

«Пожертвованія, предлагавшіяся съ цѣлью послабленій, я безусловно отклонялъ».

«Послѣ шиканія, которому я подвергся при одномъ изъ помѣщеній Артистическаго клуба, никто, кажется, вызываемъ не былъ».

«Н. И. Макареско не припоминаю».

«Во всякомъ случаѣ, брата Капитана Макареско я никогда на квартирѣ у себя не принималъ».

«Никакихъ общихъ указаній по надзору за клубами Приставамъ я не давалъ, равно какъ никогда и не устранялъ ни кого изъ нихъ отъ надзора за клубами».

«Докторъ Биттъ у меня не бывалъ».

Всѣ эти послѣднія объясненія Полковника Короткаго интересны только съ одной точки зрѣнія: они не совпадаютъ съ истиной.

Заявленіе Короткаго, что онъ не штрафовалъ трактирщиковъ, опровергается обстоятельствами двукратнаго оштрафованія имъ трактирщика Иванова.

Фактъ штрафованія владѣльцевъ меблированныхъ комнатъ по числу комнатъ устанавливается показаніемъ бывшаго Начальника Сыскной Полиціи Моисеенко.

По поводу заявленія Полковника Короткаго: «Пожертвованія, предлагавшіяся съ цѣлью послабленій, я безусловно отклонялъ» позволительно выразить недовѣріе, чтобы бывшій Помощникъ Московскаго Градоначальника считалъ клубныхъ дѣльцовъ Остафьева и братьевъ Макареско представителями безкорыстной филантропіи.

Показанія Полковника Короткаго, что Н. И. Макареско онъ не припоминаетъ и на квартирѣ у себя никогда его не принималъ, а также что «послѣ пиканія въ Артистическомъ клубѣ никто вызываемъ не былъ» — въ полномъ объемѣ опровергаются показаніями И. И. Макареско, Аделя и даже ничего въ общемъ не помнящаго, но визитъ свой на квартиру къ Короткому припоминающаго, Н. И. Макареско.

Утвержденіе, что никакихъ общихъ указаній по надзору за клубами онъ, Короткій, Приставамъ не давалъ противорѣчитъ подробнымъ по сему предмету сообщеніямъ Пристава Васильева и показанію свидѣтеля Сторка о распоряженіи Короткаго не вмѣшиваться въ дѣла «кабинета».

«Докторъ Биттъ у меня не бывалъ» прямо опровергается подробнымъ показаніемъ Битта, утверждающаго, что онъ прибылъ къ Полковнику Короткому вслѣдствіе особаго вызова со стороны послѣдняго.

Отнести всѣ эти несоотвѣтствія къ простому, со стороны Полковника Короткаго, запамятованію событій едва ли возможно. Совершенно забывъ о И. И. Макареско, явившемся въ Градоначальство расплачиваться за оскорбленіе, нанесенное ему же, Короткому, Короткій помнитъ, однако, такую мелочь, какъ невинное посѣщеніе Унтилова, пріѣхавшаго къ нему ради какой то печки въ Шахматномъ клубѣ.

Неправда отмѣченныхъ объясненій бывшаго Помощника Московскаго Градоначальника въ достаточной мѣрѣ подрываетъ довѣріе ко всѣмъ его показаніямъ, вообще.

На основаніи всего вышеизложеннаго, я нахожу, что на бывшаго Помощника Московскаго Градоначальника, нынѣ отставного Гвардіи Полковника, Владиміра Аполлоновича Короткаго, упадаетъ обвиненіе въ томъ, что, пользуясь своимъ служебнымъ, по должности Помощника Градоначальника, положеніемъ и въ нарушеніе предѣловъ правъ, этой должности присвоенныхъ, онъ, Полковникъ Короткій, требовалъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій внесенія неустановленныхъ въ законѣ сборовъ какъ на нужды Благотворительнаго Общества при Градоначальствѣ, такъ и, вообще, подъ предлогомъ благотворительности, причемъ лишь часть полученныхъ такимъ путемъ денегъ употребилъ на благотворительность, осталь-

ную же сумму обратилъ въ свою личную пользу. Преступленія эти предусмотрѣны 338, 341 и 377 статьями Улож. Наказ.

Въ виду непосредственной связи описанной дѣятельности Полковника Короткаго съ однородной дѣятельностью его ближайшаго начальника, бывшаго Московскаго Градоначальника, Генералъ-Маіора Рейнбота, о коемъ я вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ доношеніемъ отъ 13 Ноября 1908 г. за № 364, считаю долгомъ и о неправильныхъ по службѣ дѣйствіяхъ бывшаго Помощника Московскаго Градоначальника, нынѣ отставного Гвардіи Полковника Короткаго, равнымъ образомъ представить на благоусмотрѣніе и законное распоряженіе Правительствующаго Сената.

Подписалъ: Сенаторъ *Гаринъ.*

20 Февраля 1909 г.
СПБ.
№ 367.

ПРОТОКОЛЪ.

С.-Петербургъ. 1909 года Февраля 3 дня. Я, Сенаторъ, ревизующій по Высочайшему повелѣнію Московскія правительственныя установленія, опрашивалъ бывшаго Помощника Московскаго Градоначальника, нынѣ отставного Гвардіи Полковника, Владиміра Аполлоновича **Короткаго,** который на предложенные ему нижеприведенные вопросы далъ слѣдующія объясненія:

ВОПРОСЫ:

1.

Что побудило Васъ искать мѣста Помощника Градоначальника?

ОБЪЯСНЕНІЯ ПОЛКОВНИКА КОРОТКАГО:

Въ 1906 году на боевой стрѣльбѣ лошадь понесла, сбросила меня, и я страшно расшибся до потери сознанія, въ чемъ есть перевязочное свидѣтельство. Послѣ этого, когда я садился на лошадь, я чувствовалъ, что сейчасъ же упаду. Я сталъ ѣздить по психіатрамъ. Былъ у профессора Бехтерева. Онъ далъ мнѣ лекарство, подвергъ меня гипнозу, утѣшалъ, сколько могъ. Это не помогло. Тогда я обратился съ письмомъ въ Парижъ къ Фельдману. Тотъ отвѣтилъ, что внушать на разстояніе можетъ только тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ хоть разъ видѣлъ. Это побудило меня искать мѣста, гдѣ бы не было необходимости сидѣть на лошади. Тутъ я узналъ о мѣстѣ Помощника Московскаго Градоначальника. Я прослужилъ въ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскомъ полку свыше 25 лѣтъ; имѣлъ блестящія рекомендаціи. Все время (съ чина Штабсъ-Капитана) былъ неизмѣнно выбираемъ въ члены Суда общества офицеровъ. При вступленіи въ должность Пол-

кового Командира, Генерала Ганненфельда, провѣрка всего имущества, по приказанію Начальника дивизіи, была поручена мнѣ. Убѣжденный въ томъ, что получу блестящія рекомендаціи, я сталъ проситься на мѣсто Помощника Градоначальника и получилъ его. О вакансіи въ Москвѣ узналъ отъ брата, который вмѣстѣ съ отцомъ Генерала Рейнбота служитъ довѣреннымъ на табачной фабрикѣ Шапошникова.

2.

Не ставилъ ли Вамъ Генералъ Рейнботъ, и не ставили ли Вы ему какихъ-либо условій при принятіи Вами должности Помощника Московскаго Градоначальника?

Генералъ Рейнботъ спросилъ меня, будетъ ли мнѣ удобно служить подъ его начальствомъ, такъ какъ я старше его годами по службѣ. На это я отвѣтилъ, что я человѣкъ дисциплинированный, и старшинство въ лѣтахъ значенія имѣть не можетъ. Генералъ Рейнботъ меня предупредилъ, что служба будетъ серьезная, и что жизнь моя каждую минуту можетъ подвергаться опасности. На это я отвѣтилъ, что ни браунинговъ, ни бомбъ не боюсь, но желалъ бы знать, не придется ли мнѣ ѣздить верхомъ. Генералъ Рейнботъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Больше относительно службы онъ меня не спрашивалъ, но посовѣтовалъ прочесть нѣсколько полицейскихъ уставовъ и нѣсколько книгъ.

3.

Какъ разграничивались Ваши занятія по должности ПомощникаМосковскагоГрадоначальника съ занятіями другого Помощника — Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Петрова?

Когда я пріѣхалъ въ Москву, я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Генералъ Рейнботъ поручилъ мнѣ наружную полицію. Онъ рекомендовалъ мнѣ проѣхать по участкамъ, по пожарнымъ частямъ.

Однажды Градоначальникъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я не посѣщаю пожарныхъ частей. Я извинился и сталъ посѣщать.

Затѣмъ, мнѣ поручено было присутствовать на пріемахъ, ежедневно поручалась провѣрка

доносовъ. Въ отсутствіе Градоначальника я исполнялъ его обязанности. Такъ мнѣ приходилось управлять Москвой нѣсколько разъ отъ 2—3 дней до недѣли.

4.

Не возлагалъ ли на Васъ Генералъ-Маіоръ Рейнботъ, въ частности, обязанностей по надзору: а) за домами терпимости; б) за дѣятельностью содержателей ассенизаціонныхъ обозовъ и в) за клубами?

Особаго надзора за домами терпимости я не имѣлъ, но получалъ доносы на нихъ и, помню, на пріемѣ однажды принялъ прошеніе отъ содержательницъ домовъ терпимости объ отсрочкѣ назначеннаго имъ выселенія до 1 Мая 1907 года.

Съ отходниками мнѣ приходилось имѣть дѣло въ связи съ общимъ полицейскимъ надзоромъ за порядкомъ въ городѣ. Когда я получалъ свѣдѣнія, что они открываютъ бочки и разливаютъ нечистоты по улицамъ, я штрафовалъ ихъ. Сперва дѣлалъ это по докладѣ Градоначальнику, а потомъ и самостоятельно. Генералъ Рейнботъ прямо приказалъ мнѣ штрафовать отходниковъ за санитарныя нарушенія. Штрафы обращались на благотворительность, но я узналъ это позже. Вначалѣ я не интересовался, куда шли штрафы: не до того было.

Особаго надзора за клубами мнѣ поручаемо также не было. Въ отдѣльныхъ случаяхъ Генералъ давалъ распоряженія: «заѣзжайте, загляните». Но посѣщать клубы мнѣ приходилось довольно рѣдко. За все время я былъ въ нихъ не болѣе 4-хъ—5-ти разъ; десятка, во всякомъ случаѣ, не наберется.

5.

Основываясь на какомъ законѣ, Вы штрафовали ассенизаторовъ, содержателей и содержательницъ меблированныхъ комнатъ, трактирщиковъ и проч.?

Трактирщиковъ я не штрафовалъ; не штрафовалъ и содержателей меблированныхъ комнатъ, кромѣ единственнаго случая, когда мною оштрафованъ былъ, кажется, владѣлецъ меблированныхъ комнатъ «Тверь» за неотведеніе особой комнаты для прислуги (прислуга спала на лѣстницѣ). Отходниковъ штрафовалъ

потому, что штрафовалъ ихъ и Градоначальникъ, но, на основаніи какого закона, не знаю.

6.

Не указывалъ ли Вамъ кто-нибудь изъсослуживцевъ на недопустимость подобныхъ пріемовъ воздѣйствія?

Подъ конецъ уже моей дѣятельности мнѣ сказалъ В. В. Петровъ, что все это не порядокъ. «Зачѣмъ Вы, — замѣтилъ онъ, — такъ дѣлаете? разъ штрафуете, то просите на это каждый разъ письменнаго приказанія».

7.

Не припоминаете-ли Вы, въ частности, бесѣды Вашей по этому поводу съ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Петровымъ и съ Начальникомъ Сыскной Полиціи Моисеенко?

Никакой бесѣды съ Моисеенко по этому поводу я не имѣлъ. О томъ, что говорилъ В. В. Петровъ, я уже показалъ. Случая, чтобы я штрафовалъ владѣльцевъ меблированныхъ комнатъ по числу комнатъ, никогда не было. Слышу это въ первый разъ.

8.

Кто изъ представителей клубовъ посѣщалъ Васъ и при какихъ условіяхъ?

Приходили многіе съ просьбами объ открытіи клубовъ, о разрѣшеніи азартныхъ игръ и т. п. Вспоминаю одного отставного артиллерійскаго Генерала, одного отставного Полковника. Являлись и просили лица, бывшія или называвшія себя товарищами по службѣ, однокашниками. Многіе предлагали деньги на благотворительныя учрежденія; дѣлались предложенія на огромныя суммы,—до 30 тысячъ въ годъ; иные роняли пакеты на полъ. Я принималъ пожертвованія только отъ тѣхъ, которые приносили деньги и ничего не просили. Пожертвованія, предлагавшіяся съ цѣлью послабленій, я безусловно отклонялъ. Одинъ штатскій, напр., явился и сталъ извиняться, что не можетъ внести, такъ какъ дѣла ихъ клуба—плохія. Я просилъ не безпокоить меня. Просителей по клубнымъ дѣламъ я принималъ и на общихъ пріемахъ и отдѣльно въ кабинетѣ. На квартирѣ у меня былъ, кажется,

только одинъ клубмэнъ. Да и онъ явился какъ старый сослуживецъ. Когда я узналъ, что онъ клубный дѣлецъ, я его немедленно отшилъ. Фамилій всѣхъ этихъ лицъ я совсѣмъ не могу припомнить. Вспоминаю лишь одного Капитана Макареско; брата его не припоминаю. Во всякомъ случаѣ, брата Капитана Макареско я никогда на квартирѣ у себя не принималъ. Капитанъ Макареско раза три приносилъ мнѣ пожертвованія—по 500 руб. Когда онъ привезъ деньги первый разъ, я спросилъ: «на что?» Онъ отвѣтилъ: «какъ хотите». Я просилъ его точнѣе опредѣлить: для раздачи ли на общихъ пріемахъ или на пріютъ. Онъ сказалъ: 300 руб. на пріютъ, 200—для раздачи. Кромѣ Капитана Макареско, никто еще изъ клубмэновъ денегъ для раздачи на пріемахъ мнѣ не приносилъ. Если и были пожертвованія, то на пріютъ. Въ пріемѣ этихъ пожертвованій выдавались квитанціи. Обыкновенно я тотчасъ давалъ звонокъ внизъ и оттуда приносили квитанціи. Уже послѣ третьяго пожертвованія Макареско я запретилъ его клубу азартную игру на билліардѣ. За это онъ имѣетъ противъ меня «зубъ».

9.

Не посѣщали ли Васъ, въ частности, г.г. Унтиловъ, докторъ Биттъ, Н. И. Макареско, Горевъ, Оленинъ, И. И. Макареско, Молдавцевъ, Остафьевъ, Сторкъ?

Унтилова совсѣмъ не знаю. Докторъ Биттъ у меня не бывалъ. Н. И. Макареско не припоминаю. Горевъ и Оленинъ бывали. Горевъ всего одинъ разъ; онъ былъ вызванъ мною по поводу доноса, что въ Артистическомъ клубѣ допускается игра въ лошадки, и объяснялся я съ нимъ въ присутствіи Барона Ховена. Послѣ шиканья, которому я подвергся при одномъ изъ посѣщеній Артистическаго клуба, никто, кажется, вызываемъ не былъ. Оленинъ приходилъ не разъ по поводу какой то строившейся въ Шахматномъ клубѣ печки, но не по поводу игры. Молдавцевъ одинъ разъ былъ

у меня на дому. Онъ пріѣхалъ безъ приглашенія и началъ разговоръ относительно игры. И тутъ же сталъ намекать, что можетъ быть очень полезенъ, жестами указывая на карманъ. Я его выпроводилъ. Потомъ я услышалъ, что онъ говоритъ: «мнѣ на Помощника начихать». Встрѣтивъ его на пріемѣ, я посовѣтовалъ ему быть поосторожнѣе. Онъ заклялся, что ничего подробнаго не говорилъ. На пріемахъ видѣлъ его раза два—онъ приходилъ къ Генералу Рейнботу . .

Остафьевъ бывалъ у меня на пріемѣ и въ кабинетѣ не одинъ разъ, но, если и дѣлалъ пожертвованія, то только на Благотворительное Общество, въ чемъ тотчасъ же и получалъ квитанціи.

Припоминаю и фамилію Сторкъ. Онъ все плакался, что ихъ клубъ въ загонѣ. Никакихъ пожертвованій онъ не дѣлалъ.

10.

Сколько приблизительно Вы получили отъ всѣхъ клубныхъ администраторовъ на дѣла благотворительности, вообще, и на нужды благотворительнаго общества при Градоначальствѣ, въ частности?

Этого даже приблизительно припомнить не могу. Знаю лишь, что не на Благотворительное Общество, а на благотворительность для раздачи на пріемѣ я не получалъ ни отъ кого изъ клубныхъ администраторовъ, кромѣ Капитана Макареско, и получилъ по 200 руб. столько разъ, сколько разъ 300 руб. значатся внесенными Макареско въ пользу Благотворительнаго Общества. Изъ 46—47 тысячъ, что Благотворительное Общество имѣло ко дню моего ухода, думаю, по крайней мѣрѣ, 20 тысячъ собрано было мною.

11.

Какія указанія давалъ Вамъ Генералъ Рейнботъ по поводу привлеченія учрежденій и обывателей къ по-

Никакихъ особыхъ указаній по сбору пожертвованій на благотворительность Генералъ Рейнботъ мнѣ не давалъ. Просто велѣно было принимать пожертвованія въ пользу Бла-

жертвованіямъ на благотворительность?

готворительнаго Общества и выдавать квитанціи. Точно также ни разу Генералъ Рейнботъ не дѣлалъ мнѣ указаній и на какія либо неправильности съ моей стороны по этому предмету. Дѣйствовалъ я на глазахъ у всѣхъ, въ томъ числѣ и у Градоначальника, открыто.

12.

Сколько приблизительно всего Вы получили на благотворительность по Вашему усмотрѣнію?

Я получилъ отъ И. И. Макареско раза три по 200 р. и отъ Гельтищева рублей 100— можетъ быть, и больше. Гельтищевъ просилъ относить на его счетъ выдачи на пріемахъ бѣднымъ крестьянамъ.

13.

Сколько приблизительно благотворительныхъ пособій Вы выдавали на пріемахъ въ день, и сколько было Вами выдано ихъ на пріемахъ за все время Вашего пребыванія въ должности?

Прямо отказываюсь сказать. Иногда я раздавалъ и свои деньги и даже занималъ на это у Шереметева и другихъ.

14.

Оказывали ли Вы пособія внѣ пріемовъ и кому именно?

Ко мнѣ обращались за пособіями и внѣ пріемовъ. Такъ, одна дама просила дать ей денегъ на выѣздъ. Я далъ ей рублей 15. Одинъ студентъ просилъ заплатить его долгъ за столъ и квартиру. Онъ получилъ больше 50 р.,—словомъ, столько, сколько у меня нашлось въ бумажникѣ. Еще припоминаю, что внесъ въ гимназію за обученіе сироть полицейскихъ 100 р. Эту сумму я внесъ изъ пожертвованій Макареско. Но ни одной фамиліи лицъ, которымъ помогалъ, вспомнить не могу; не помню и гимназіи, въ которую вносилъ деньги за полицейскихъ сиротъ.

15.

Сколько Вамъ внесъ на благотворительность Скалкинъ?

Скалкинъ внесъ мнѣ 500 руб. на пріютъ внесъ безъ всякаго побужденія съ моей стороны. Это было единственный разъ. Ничего, сверхъ этой суммы, я отъ него не получалъ. Давалъ ли я ему разрѣшеніе на позднюю торговлю, не помню. Но, если и давалъ, то не въ связи съ его пожертвованіемъ.

16.

Въ какихъ отношеніяхъ Вы состояли къ Стволову? Не хлопоталъ ли онъ предъ Вами по дѣламъ Московскихъ трактирщиковъ и содержателей кинематографовъ?

Стволовъ присутствовалъ на всѣхъ торжествахъ, говорилъ рѣчи, подносилъ образа, заботился о пріютѣ, приводилъ массу жертвователей, большею частью изъ среды купцовъ и трактирщиковъ. Онъ все хлопоталъ о покупкѣ дома для пріюта. Никакихъ ходатайствъ его за трактирщиковъ или содержателей кинематографовъ я не припоминаю. Съ содержателями кинематографовъ у меня было всего два столкновенія (одинъ разъ донесли, что доска близко къ фонарю; я приказалъ убрать; другой разъ хозяйка не пустила меня въ комнаты, гдѣ, по свѣдѣніямъ, происходила игра въ карты), но оба не имѣли послѣдствіемъ поступленіе взносовъ въ пользу Благотворительнаго Общества.

17.

Не давали ли Вы какихъ либо общихъ указаній Приставамъ, въ предѣлахъ участковъ которыхъ находились игорные клубы, по поводу наблюденія за дѣятельностью послѣднихъ?

Никакихъ общихъ указаній по надзору за клубами Приставамъ я не давалъ, равно какъ никогда и не устранялъ никого изъ нихъ отъ надзора за клубами. Изъ сношеній своихъ съ наружною полиціею по поводу клубовъ припоминаю всего одинъ случай. Я замѣщалъ Градоначальника. По телефону Приставъ просилъ моихъ распоряженій о запрещеніи карточныхъ игръ какому то маленькому клубу (кажется, Музыкальному собранію). Такъ какъ на другой день ожидали пріѣзда Градоначальника, то я приказалъ ожидать распоряженій послѣдняго.

Въ заключеніе желаю заявить, что собирался я служить всей душой, всѣмъ сердцемъ, не боялся смерти, но въ концѣ концовъ, благодаря своей неопытности, попалъ въ ложное положеніе и сдѣлалъ невольныя ошибки; словомъ, былъ „въ чужомъ пиру похмѣлье“. Радъ и счастливъ, что тяжелая болѣзнь заставила меня уйти въ отставку. Москва меня только разорила, отнявъ и здоровье, и средства, и здоровье не только у меня, но и у жены. Кратковременная служба моя въ Москвѣ явилась для меня тяжелымъ кошмаромъ, въ которомъ, долженъ сознаться, я игралъ, все время игралъ глупую роль, дурацкую роль.

Подписали: Отставной Гвардіи Полковникъ
Владиміръ Аполлоновичъ *Короткій.*

Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ *Гаринъ.*